

АЛЕКСАНДРА АННЕНСКАЯ

*Без роду,
без племени*

RUGRAM

МОСКВА
2022

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
А68

Анненская А.

А68 Без роду, без племени / А. Анненская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 128 с. — (Жизни и судьбы).

ISBN 978-5-521-77606-1

Сентиментальная повесть известной писательницы конца XIX — начала XX века Александры Никитичны Анненской рассказывает о судьбе девочки-сироты.

Аня живет в приюте, но, будучи не в силах переносить постоянные несправедливые обиды, убегает оттуда. Девочке предстоит немало пережить, прежде чем она найдет свое место и призвание.

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77606-1

© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

Глава I

Темная осенняя ночь кончалась, был шестой час утра. Город только что начал просыпаться. Магазины и ворота домов еще заперты.

Экипажей почти не слышно, разве с шумом проедет телега какой-нибудь торговли, отправляющейся на базар с картофелем или молоком. Пешеходов тоже встречается мало: то пройдет трубочист, еще не успевший покрыться слоем сажи, то прошмыгнет с корзиной на руке кухарка или хлопотливая хозяйка, спешащая на базар за покупками, то, тяжело ступая, пройдет толпа фабричных рабочих.

В большом доме, над воротами которого красуется черная с золотом вывеска: «Сиротский дом», также все тихо; только во дворе дворник готовится рубить дрова, да в верхнем этаже жалобно кричит больной ребенок, которого не могут успокоить ни укачиванья, ни шлепки няньки.

Во втором этаже, в так называемом «Старшем женском отделении», две большие комнаты заняты кроватями воспитанниц, девочек от семи до шестнадцати лет. На жестких тюфяках, под тощими одеялами крепко и спокойно спят дети. Одним ночь принесла сладкие сны: щеки их разгорелись, губы полуоткрыты в улыбку; другие уткнулись головой в подушку и так крепко закрыли глаза, точно ни за что не согласны расстаться со сном.

Но вот большие часы в коридоре с шипеньем пробили шесть. На одной из кроватей, отделенной от прочих небольшими ширмами, поднялась всклоченная голова помощницы надзирательницы. Сон видимо одолевает ее, она с трудом может открыть глаза, но делать нечего — надобно исполнить тяжелую обязанность: она всовывает босые ноги в туфли, накидывает на плечи полинялую ситцевую блузу и, схватив колокольчик, стоящий на столе возле её постели, начинает с каким-то остервенением звонить в него. Самый крепкий детский сон не может устоять против этого резкого, неприятного звона. Девочки начинают шевелиться, некоторые открывают глаза и со вздохом осматриваются кругом, как бы удивляясь, что видят опять все то же, вчерашнее; другие, еще не очнувшись от сна, быстро вскакивают и хватаются за чулки, сами не понимая, что делают; третьи, наконец, крепче закутываются в одеяла, надеясь поспать еще хоть лишнюю минутку. Напрасная надежда. Ненавистный звон раздается над самым ухом их, грубая рука стаскивает с них одеяла: «Вставать, вставать скорее», кричит им помощница.

Мало-помалу звон и строгие приказания производят действие: все девочки поднялись и начали одеваться. Нерадостны первые впечатления, встретившие их утром: в комнатах холодно, небольшие керосиновые лампочки бросают тусклый свет на серые стены и низкий, закоптелый потолок; при этом свете все лица кажутся угрюмыми, болезненными. Немудрено, что трем-четырем девочкам захотелось еще хоть на несколько минут продлить утренний сон и, воспользовавшись временем, когда «помощница» ушла за ширмы, чтобы привести в порядок свой туалет, они снова юркнули под одеяла.

Минут через десять опять раздался резкий голос помощницы, и она сама появилась уже умытая, наскоро причесанная и одетая.

— Скорей, скорей, девочки, — кричала она. — Не копайтесь. Где дежурные? Малаша и Саша Большая — вам сегодня на кухню, Дуня и Паша — в классы, Ольга Петрова и Глаша

Иванова — топить печи, Параша и Саша Малова — убирать спальню. Скорей, скорей. Дуня, чего ты целый час полощешь-ся? Будет, вытирайся. Ольга, говорю, поворачивайся живей. А ты, Малаша, чего стала? — Слышала ведь: тебе дежурить на кухне.

— Да с кем же мне дежурить, Марья Семеновна? — спросила Малаша, высокая, полная девушка, лет семнадцати, жившая еще в приюте до приискания хорошего места в горничные. — Ведь Саша Большая в больнице, сами знаете.

— Ну, возьми кого-нибудь другого. Это что такое? Анна Колосова, ты еще валяешься, лентяйка. — Она быстро стащила одеяло с одной из девочек, заснувших, было, после звонка, и затем продолжала: — Вот ее и возьми. Смотри же, Анна, одеваться скорей. Ты сегодня дежурная вместо Саши Большой.

— С какой стати я дежурная, — протирая глаза, возразила та, — третьего дня я дежурила, и сегодня опять.

— Ты еще рассуждаешь. Без булки к чаю. А будешь копать-ся, Катерине Алексеевне пожалуйсь, она тебе покажет, как не слушаться.

Анна сердито сдвинула свои темные брови и, как только помощница отошла от неё, чтобы торопить других девочек, проговорила ей вслед несколько весьма нелестных прозваний.

А между тем в обеих комнатах происходил шум, суета. Девочки толкались перед большими медными умывальниками, каждой хотелось умыться прежде других, дежурные по спальне ворчали на тех, кто проливал воду на пол и не клал мыла на места; одетые стлали свои постели, при чем иногда в шутку бросали друг в друга подушками; одна девочка потеряла полотенце и приставала ко всем: «кто его взял?»; двое маленьких подрались из-за передника и преусердно тащили его каждая в свою сторону, пока Марья Семеновна не помирила их, дав каждой по чувствительному щелчку в лоб и приговорив обеих остаться без булки к чаю.

В половине седьмого все дежурные отправились исполнять свои обязанности.

При сиротском доме не полагалось прислуги; за исключением дворника, кухарки и двух прачек, всю остальную работу исполняли в младшем отделении няни, присматривавшие за малютками, в старших — сами воспитанники и воспитанницы. На каждую работу обыкновенно назначали двух девочек, — одну большую, лет пятнадцати-шестнадцати, другую поменьше, от десяти до четырнадцати лет; младшие же совсем освобождались от дежурств. Дежурные по кухне заваривали в огромном чайнике чай, который выдавала им надзирательница, разливали этот чай по кружкам и ставили к прибору каждой воспитанницы такую кружку вместе с куском ситного хлеба. Они же подавали кушанья за обедом и ужином, мыли и убрали посуду после каждой еды. Дежурные по спальне приносили воду для умыванья, выливали грязную воду, чистили умывальники, смотрели, чтобы все постели были убраны аккуратно, и вытирали шваброй пол. Третья пара дежурных топила печи и заправляла лампы во всем отделении, четвертая должна была приводить в порядок классную комнату, большую залу, служившую и столовой, и рабочей комнатой, широкий коридор и две комнаты главной надзирательницы. Эта обязанность особенно пугала девочек: надзирательница требовала от них ловкости и аккуратности настоящих горничных и за малейшую оплошность очень строго наказывала их.

Пока дежурные исполняли свое дело, остальные девочки должны были штопать чулки, зашивать свое белье и платье: новое выдавалось им редко, и потому в дырках требовавших починки, никогда не было недостатка.

В восемь часов все девочки собирались на общую молитву и затем садились за столы, на которые дежурные ставили кружки с жидким чаем, слегка побеленным молоком и почти без сахара. Из пятидесяти девочек, составлявших «старшее отделение», восемь лишены были в этот день утренней пор-

ции хлеба в наказание за ту или другую провинность. Они должны были пить чай стоя, чтобы все прочие, и в особенности главная надзирательница, видели, что они провинились.

Во время чая явилась эта главная надзирательница. Катерина Алексеевна Полозова была высокая женщина, сухая и желтая, внушавшая страх не только детям, но и всем, кому приходилось иметь с ней дело. Никогда она не сердилась, никто не слышал, чтобы она возвысила голос, никто не видел краски гнева на её впалых щеках, но зато никто не слышал от неё слова участия и одобрения, никто не видел ласковой, приветливой улыбки. Со своими помощницами и с прислугой она была требовательна, суха, с воспитанницами — неумолимо строга.

— За что наказаны? — спросила она, подходя к столу и отвечая едва заметным кивком головы и на почтительный поклон помощницы и на единогласное громкое: «Здравствуйте, Катерина Алексеевна!» девочек.

Помощница поспешила подойти и отвечала не совсем твердым голосом:

— Глаша, Феня и Клавдя шалили вчера вечером в постели, Таня и Феклуша подрались сегодня утром, Матреша смеялась за молитвой, Даша не заштопала себе чулок, Анна нагрубила мне...

Катерина Алексеевна окинула холодным взглядом виновных.

— Пусть Матреша после обеда повторит все молитвы, а Даша заштопает два старых чулка, — проговорила она, ни к кому особенно не обращаясь. — А ты, как смеешь грубить? — спросила она у Анны.

— Я не грубила, — отвечала девочка, — а только она меня назначила дежурной, когда не мой черед, так я сказала...

— Ты говоришь дерзко, — остановила Катерина Алексеевна. — После чая поставить ее на два часа на колени, и чтоб она связала шесть дорожек чулка. Смотрите, чтобы все было

в порядке. Сегодня приедет директор с новой надзирательницей...

— А вы разве уезжаете, Катерина Алексеевна? — робко осмелилась спросить помощница, подавляя радостный огонек, сверкнувший в глазах её, и стараясь придать лицу своему удивленно-испуганное выражение.

— Конечно. Я давно хлопочу избавиться от этой каторжной жизни, да все никак не могли найти на мое место, наконец, говорят, нашли...

Она сжала губы с нескрываемым презрением к своей премнице и вышла из комнаты в сопровождении помощницы.

— Слышите, девушки, новая надзирательница, — закричали девочки, едва замолкли шаги уходившего начальства. — Уходит наша кикимора (это нелестное прозвище давно утвердилось за Катериной Алексеевной). Слава тебе, Господи. Ишь, говорит: «каторжная жизнь», а небось десять лет здесь жила... Ей с нами каторжная жизнь, а нам с ней сладко, что ли, было?

Девочки позабыли о недопитом чае, о недоеденных кусках булки, они повскакали с мест, шумели, волновались. Много труда стоило помощнице привести их в надлежащий порядок. Сама она была взволнована, может быть, не меньше их: перемена надзирательницы должна была отразиться и на её судьбе, но она привыкла сдерживать свои чувства, только на бледных щеках её выступили два красных пятна, руки её дрожали, и голос, которым она отдавала приказания, звучал раздражительнее, чем обыкновенно: «Маленькие в класс. Дежурные, скорей убирать посуду! Зачем встаете с булкой в руках? Уносите, уносите кружки. Кто не допил, тому и не нужно. Маленькие, не толкайтесь, идите попарно! Феклуша, ты опять драться. На колени захотела? Старшие, за работу. Тише, не кричать! Чей услышу голос, того без обеда. Анна, ты чего усаживаешься? Забыла разве, что велела Катерина Алексеевна. Вот твой чулок, смотри, не зевай по сторонам, пока не свяжешь шести дорожек, не спущу с колен.

— Да ведь Катерина Алексеевна уходит, как же она смеет наказывать, — проговорила Анна, очень неохотно берясь за толстый нитяный чулок.

— Уходит она или нет, это до тебя не касается, а пока она здесь, ты должна слушаться и ее, и меня. Ты думаешь, новая надзирательница потерпит грубость? Как бы не так! Вот, стой, я тебя продержу на коленях, пока они с директором приедут и увидят, какая ты дрянная девочка...

Во время грозной речи Марьи Семеновны Анна стала на колени в угол комнаты с чулком в руках. На лице её не выразалось ни тени покорности или раскаяния, напротив, она злобно глядела исподлобья, а при последних словах самым дерзким образом высунула язык.

Между тем остальные девочки усаживались по местам. Младшие ушли в соседнюю классную комнату, где они должны были учиться грамоте под руководством учительницы. Старшие в это время занимались рукодельем: они шили белье и платья, как на свое отделение, так и на верхний этаж, где помещались малютки от двух до семилетнего возраста. Работы всегда было много и она исполнялась небрежно или медленно. Марья Семеновна, обучавшая воспитанниц рукоделью, получала выговоры и от надзирательниц, и от самого директора, а между тем девочкам было очень скучно проводить три часа за однообразными швами, и они всячески старались увильнуть от дела и дать себе минутку отдыха: у одной вдруг делалось кровотечение носом — и ей необходимо было бежать в спальню, у другой ломалась иголка, у третьей наперсток был слишком велик и все сваливался с пальца, так что приходилось отыскивать его, ползая по всему полу. Беспременно раздавались сердитые возгласы Марьи Семеновны:

— Перестаньте шалить! Дуня, не разговаривать! Катя, ты все криво нашила, распори! Феня, ты опять ничего не делаешь? — без обеда! Даша, работай стоя. Маша, ты опять встала с места, дрянная девчонка! Анюта, где твоя работа? Без гулянья!

Иногда, не довольствуясь окриками, Марья Семеновна собственноручно расправлялась с провинившимися.

В этот день ей было особенно трудно справляться с воспитанницами. Они были взволнованы известием о приезде новой надзирательницы и вместо того, чтобы сидеть как можно тише, работать как можно прилежнее, показать себя с лучшей стороны, они беспрестанно вскакивали с мест, перешептывались, хихикали и делали стежки вкривь и вкось. Марья Семеновна уже оставила половину класса без обеда и четверть без прогулки, двух заставила шить стоя, одной посулила засадить ее за работу на все воскресенье, но ничто не помогало. Щелчков и пощечин она раздавала менее обыкновенного: кто знает, понравится ли такая бесцеремонная расправа с детьми новой надзирательнице, лучше было на всякий случай несколько сдерживать свои руки...

Между тем время шло, а эта новая начальница все не являлась. На больших часах в коридоре пробило десять, половина подннадцатого, одиннадцать. У Анны сильно болели колени, и она пользовалась каждой минутой, когда помощница не видела ее, чтобы присесть на корточки. Два часа, назначенные ей Катериной Алексеевной, прошли, но чулок подвигался медленно вперед, она связала всего только четыре дорожки из заданных шести.

При каждом шуме на улице Марья Семеновна нервно вздрагивала и прислушивалась. И вот, наконец, у подъезда раздался резкий звонок, послышался громкий голос директора, шаги... Марья Семеновна побледнела, все девочки невольно притихли, Анна вытянулась и усиленно зашевелила спицами.

